

*Эта книга посвящается всем несравненным  
мамочкам и их семьям, которые оказали мне честь,  
приняв мою помощь на трудном родительском пути.  
Спасибо вам.*

*Всем добросовестным и усердным патронажным  
сестрам, тем, кто каждый день трудится  
во всех уголках нашей страны и без шума  
и суеты буквально двигает горы.*

*А еще моим близким, а особенно Дж., ММ и ДД.  
Я люблю вас всем сердцем  
и делаю это все для вас.*

## ВВЕДЕНИЕ

Труд патронажной сестры происходит за закрытыми дверями: невидимый, но от этого не менее важный. Мы наделены привилегией и уникальным доступом во все семьи с детьми младше 5 лет: наш офис — это ваша гостиная. Наша обязанность — навещать вас дома. Когда у вас маленький ребенок, мы оказываемся единственными профессиональными медиками, которые постоянно заботятся о нем. Раньше было принято, чтобы семейный врач наносил «визит вежливости» вашему новорожденному, но теперь не предусмотрено даже этого.

Наши отношения с клиентами очень личные, часто мы видим семью в самом уязвимом ее состоянии. Мы имеем дело со всей палитрой человеческого опыта. Наш долг — рассказывать и наблюдать за жизнью во всей ее неупорядоченности и непредсказуемости, и в то же время непостижимом величии.

Десятки лет миновали с тех пор, как я стала работником Национальной службы здравоохранения (далее — НСЗ<sup>\*</sup>), куда пришла еще студенткой, об-

---

\* Национальная служба здравоохранения (англ. *National Health Service, NHS*) — зонтичный термин, описывающий совокупность отдельных национальных государственных организаций здравоохранения Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. НСЗ финансируется главным образом за счет общенациональных налоговых поступлений, и ее услуги бесплатны для всех британцев и беженцев (Здесь и далее — *Прим. пер.*).

учавшейся на медсестру. Если уж быть точной, это случилось 9 июля 1979 года. С тех пор я работала медсестрой, акушеркой, а последние 30 лет — патронажной сестрой. Нужно жить на другой планете, чтобы оставаться в неведении о непрекращающихся изменениях в политике, методах лечения, обеспечении страховки, контрактах, перспективах и вечных финансовых трудностях НСЗ.

Когда я начинала, не было никаких компьютеров, мобильных или менеджеров проектов, нас не обучали алгоритмам или политике самостоятельной работы, ключевым словам или профессиональной терминологии. Имелся семейный врач, упакованный в тугую воротничок и галстук и начиненный добродушным юмором, появлявшийся у вас после обеда, если ваш малыш страдал от отита средней степени тяжести (то есть у него болело ухо). Участковая акушерка приходила ежедневно в течение 10 дней после появления в вашей семье новорожденного. Завершала картину жизнерадостная патронажная сестра. Она навещала семью раз в неделю, чтобы взвешивать ваше ненаглядное чадо, пока ко взаимному удовольствию вы не решали, что набрались достаточно опыта во всех аспектах, будь то кормление, эмоциональные проблемы и все прочее, связанное с воспитанием младенцев. Частота визитов зависела от того, насколько вам требовалась помощь со стороны или, напротив, как скоро вам надоедало чье-то вмешательство. Оба суждения являются равно правомер-

ными, коль скоро у мамы, ребенка и остальных членов семьи все идет хорошо. Кажется, все просто.

Однако реальность была такова, что мне приходилось оставаться один на один и с очумевшим от наркотиков сутенером на лестничной клетке, и с угрожавшим ножом домашним насильником в приюте для бездомных. Однажды по недоразумению я оказалась в борделе, где стала невольной свидетельницей деловой активности, «принятой» в этом месте. Я договаривалась о доставке кровельного железа, чтобы получить доступ в бомжатник с дырявой крышей, который считала своим домом молодая семья. Бетонный пол они застелили протертым шерстяным одеялом. Еще там был тюфяк. И размещенные в ключевых точках свечи. Ни электричества, ни водопровода. И крошечный младенец 10 дней от роду.

С другой стороны, мне доверили уход за новорожденным чадом придворной дамы. Они жили в известном историческом особняке, имевшем связи с королевской семьей, и мне даже продемонстрировали комнату, в которой Анна Болейн провела ночь накануне казни.

Наша работа подбрасывает бесконечное множество самых абсурдных и невероятных сценариев. Особенно этим богаты лондонские трущобы. Например, я имела (эээ...) привилегию наблюдать за мастурбацией 20-летнего гражданина мужского пола, в то время как мы с его подружкой обсуждали сексуальные извращения, которые практиковала эта

пара. Ее приятель был насильником. И партнерша от него не отставала.

Этот живчик прискакал к нам сверху по лестнице и плюхнулся на диван. Я продолжала разговор с его подружкой, попутно проверяя состояние младенца. Краем глаза я уловила какое-то движение и посмотрела направо, предполагая, что он либо чешется, либо чем-то играет. На самом деле он занимался и тем, и другим. Трудно было ошибиться при виде определенных движений руки с возрастающим ритмом. Его рассеянный взгляд был устремлен в пространство. Боже милостивый! Я развернула стул спинкой к нему. Я ничего не вижу, а значит, этого не было. А потом испугалась. Господи, а что случится... «на пике»? По крайней мере, он хоть не шумел. Во всем можно найти свои плюсы. Вскоре он покинул помещение. Меня поразило, как равнодушно отнеслась к этому его подружка. Он держал себя так, будто нас здесь не было, она держала себя так, будто его здесь не было, я сохраняла спокойствие и просто... держалась. И вообще, это был не первый и не последний раз, когда мне довелось оказаться в обществе любителя самоудовлетворения.

Однажды мы с практиканткой отправились проведать малыша, судя по всему, оставленного одного дома в квартале Тауэр-Хамлетс. При виде приоткрытой задней двери мы решили, что ребенок мог убежать, и позволили себе войти внутрь без спроса. Тут же мы натолкнулись на мужчину, от которого нам

было мало проку: совершенно пьяный, он валялся на кровати и храпел, нисколько не потревоженный нашими окриками и просьбами проснуться. Данная ситуация требовала вызова полиции: мы не имели права оставить ребенка в незапертом помещении под таким, с позволения сказать, «присмотром».

Довелось мне навещать и мамашу с младенцем под крышей тату-салона: все пространство в нем занимали террариумы со змеями и пауками. Я невольно засмотрелась на клиентов, сидевших в очереди за своей порцией иголок. Особенно запомнился один парень в джинсах, исписанных шариковой ручкой граффити в стиле «Джош совокупляется с козой», «Элли Мэй берет в рот». Это было очень познавательно. Когда же я поинтересовалась у мамы новорожденной, как она назовет свою крошку, она сообщила мне, что вот этого конкретного ребенка будут звать Эйми-Порша (буквально так!).

— Это в честь Порции, как у Шекспира? — спросила я.

— Нет, — ответили мне. — Это в честь автомобиля.

Мы оформляли материальную помощь для покупки посудомоечной машины или других полезных вещей для тех, у кого давно кончились надежды, деньги и антидепрессанты, или у кого в семье растет 16 детей, или чье пособие по нетрудоспособности уже иссякло, а до следующего еще жить да жить. Мы не делали это постоянно, но бывало и так, что делились собственными деньгами, когда видели совсем отча-

янную нужду. Например, если на полке в холодильнике мышь повесилась, а на носу было Рождество. Они могли показать свой пустой кошелек. Или пожаловаться на приставов, забравших последнее. И я почувствовала бы себя последней дрянью, просто повернувшись к ним спиной.

Недавно я провела у себя в офисе опрос, предложив коллегам рассказать о том, помогают ли они так же своим клиентам. Все сначала напряглись и прекратили стучать по клавишам, но мало-помалу расслабились настолько, что смогли поделиться историями о том, как покупали еду (предваряя работу банков продовольствия\*) или талон на продуктовый набор к Рождеству. Никто почти никогда не давал деньги (этого вообще не следует делать), но временами случалось и такое. Сплошь и рядом мы оказываемся единственными свидетелями отчаянной ежедневной борьбы, которую ведут семьи простых работяг.

---

\* Банк продовольствия (англ. *food bank*) — это благотворительная организация, которая занимается сбором продуктов от производителей и поставщиков и передачей их нуждающимся. Банк продовольствия бесплатно принимает еду, в том числе ту, срок действия которой близок к истечению, упаковывает их при помощи волонтеров и доставляет голодающим людям. При этом действует жесткая система контроля качества продуктов.

Банк продовольствия не занимается непосредственно раздачей продуктов. Это делает сеть сотрудничающих компаний, в которую входят местные благотворительные организации и социальные учреждения, у которых налажен прямой контакт с нуждающимися (бесплатный магазин). Для покрытия расходов на логистику и последующую сортировку собранных продуктов проводятся акции по сбору денежных пожертвований от частных лиц и организаций.

Банки продовольствия сделали немало добра во время глобального коллапса финансовых рынков. Первый такой банк, *Trussell Trust*, появился задолго до 2004 года\*. Они начали свою деятельность в Солсбери, объединив два банка продовольствия. К 2020 году в эту сеть входило уже 2000 банков, из которых *Trussell Trust* контролирует 1200, а остальные — независимые провайдеры или благотворительные фонды.

Талоны на питание распределяли социальные работники, семейные врачи, патронажные сестры и сотрудники Бюро гражданских консультаций\*\*. Талон позволял получить стандартный трехдневный набор продуктов для любой семьи. Обычно он состоял из консервов или сублимированных продуктов, которые легко хранить. Однако с 2018 года в него все чаще стали включать и скоропортящийся товар, когда банками продовольствия заинтересовались сеть *Asda* и иже с ними\*\*\*. При

---

\* *Trussell Trust* — это неправительственная благотворительная организация, которая работает над тем, чтобы покончить с необходимостью создания продовольственных банков в Великобритании.

\*\* Бюро гражданских консультаций (англ. *Citizens Advice*) — сеть, состоящая из 316 независимых благотворительных организаций по всему Соединенному Королевству, которые предоставляют бесплатную конфиденциальную информацию и консультации для помощи людям с денежными, юридическими, потребительскими и другими проблемами.

\*\*\* *Asda* — один из крупнейших продовольственных супермаркетов Великобритании, который жертвует излишки пищевых продуктов, двигающихся по возвратной цепочке поставок, компании *FareShare*, специализирующейся на распространении еще непросроченных излишков еды на благотворительные цели по всей Великобритании, обеспечивая питание для нескольких сот тысяч человек, по их утверждению, живущих в «глубокой бедности».



этом имелись и наборы для тех, у кого нет возможности готовить: сюда входили такие полуфабрикаты, которые достаточно было разогреть в микроволновке.

С 2018 по 2019 годы *Trussell Trust* успел раздать 1 583 668 наборов — на 18,8 % больше, чем в предыдущем году. Если к этому добавить независимые банки продовольствия, получается около 3 млн. Те, кому они достались, как правило, лишены постоянного дохода, разведены, безработные, это и жертвы насилия, умственно отсталые, не способные расплатиться с долгами, или страдающие от сочетания сразу нескольких из этих проблем.

Наша реальность состоит в том, что, хотя мы работаем с самыми любящими, воодушевленными и дееспособными семьями, наравне с ними нам приходится уделять львиную долю того же времени, энергии и сообразительности тем, кто оказался на противоположном конце шкалы. Таких, кто невнимателен, а подчас и откровенно жесток со своими детьми. Это могут быть акты небрежности (неосознанные), например когда детей оставляют одних, чтобы пойти выпить, так и акты жестокости (осознанные), когда детям нарочно причиняют боль, избивая, прижигая сигаретой или другим способом подвергая физическому, эмоциональному или сексуальному насилию, включая все промежуточные варианты. По отношению к нам такие родители могут вести себя равнодушно, уклончиво, враждебно и даже угрожающе, особенно если находятся под влияни-

ем партнера, только что вышедшего из тюрьмы, потенциального насильника, педофила, наркомана/наркодилера, человека с серьезными проблемами с психикой.

И все равно патронажная сестра остается одной из профессий, к которой часто относятся с незаслуженным пренебрежением. «Подумаешь, зайти в гости попить чайку!», «Разве это сравнишь с работой настоящей медсестры, помогающей в больнице?», «От моей патронажной сестры никакого толка!», — воскликнут такие люди, и их гораздо больше, чем можно предположить. Ну так вот: мы — настоящие медицинские работники. Когда я получала профессию, обучение дипломированной медицинской сестры занимало три года. Затем шла стажировка в качестве рядовой или старшей медицинской сестры в стационаре и еще 12-недельные курсы родовспоможения или 12–18 месяцев работы акушеркой. И только после всего этого нам давали разрешение работать патронажной сестрой.

Позднее нас обязали учиться 3 года для получения общей квалификации медицинской сестры, а затем проходить год специализации на патронажную сестру. Очень многие из нас прошли обучение до уровня магистра. В отличие от наших замечательных коллег, продолжающих тянуть ляжку в составе больничного братства, мы отправляемся трудиться «в люди» на свой страх и риск. Хотя в кармане у нас лежит мобильник, за спиной нет команды поддерж-

ки, которую можно вызвать на помощь в критической ситуации. И нет отдушины в виде задушевных бесед с коллегами во время обеденного перерыва. И вообще никого нет рядом, чтобы спросить: «Как ты думаешь, я не ошибаюсь?». На свой. Страх. И риск.

Недавно я оказалась в общей гостиной заведения *V&V* с молодым семейством. Засаленные столы, жалкий набор столовых приборов. Жуткие пластмассовые муляжи неубиваемых фруктов, разложенные с такой помпой, как будто здесь вот-вот начнется банкет на деньги от *Universal Credit*<sup>\*</sup>. На журнальном столике в углу сиротливо торчала побитая жизнью нереально розовая елка. Мы мило болтали с молодым человеком с изрытым оспинами лицом и пивной отрыжкой, поведавшем мне, что им пришлось перебраться в этот приморский городок из Йорка, откуда их выжили приставучие социальные работники: этих зануд не устраивало, что его подруга имела сексуальную связь со своим папашей.

Их двухгодовалая дочка насупилась на меня и хлопнула в ладоши. Говорить она не умела, зато метко запустила в мамочку поломанным мобильником. Точное попадание, прямо в грудь! Я попыталась уговорить их отвести ребенка на консультацию к специалисту по развитию речи, но через неделю их уже и след простыл. Отправились неведомо куда без родных, без поддержки. Жалкие об-

---

<sup>\*</sup> *Universal Credit* — социальное пособие в Великобритании.

ломки кораблекрушения современного английского низшего класса.

Уровень реальной обездоленности детей в таких семьях доводит до отчаяния, когда приходится сталкиваться с ним каждый божий день. Для большинства наших клиентов главная беда заключается даже не в отсутствии места, которое можно было бы назвать домом, с его комфортом, безопасностью и личным пространством. Главное — в отсутствии чувства человеческого достоинства, которого лишает их жизнь без адекватных источников дохода, когда само существование семьи находится под постоянной угрозой. При виде этих семей, лишенных возможности выбора и самоопределения, сердце обливается кровью. Только представьте себе необходимость постоянно делить пространство и драться за место под солнцем с толпой чужаков, потому что у вас общая кухня, ванная и туалет.

Мои подопечные, оказавшиеся в таких ситуациях, могут лишь смотреть на меня с немой мольбой, и все же я не перестаю предлагать им (в надежде получить адекватный ответ) оформить с моим участием соответствующим образом документы на социальное пособие, обратиться за помощью в банк продовольствия или в агентство за «дорожной картой» — вот еще одно современное выражение — для получения хоть какой-то поддержки. Они могут даже не знать о такой возможности. Я готова помочь составить запрос на дотацию в приобретении каких-

то определенных предметов или время от времени написать достаточно действенный запрос местным властям или письмо домовладельцу с объяснением, что они стоят в очереди на пособие. (Опыт показывает, что такие письма работают хотя бы по части приобретения жалкой домашней утвари.)

Очень часто я, подобно коллегам, прихожу в ярость при виде той нищеты, в которой вынуждены существовать многие семьи, то и дело стараюсь выпустить пар, чтобы продолжать профессионально выполнять свои обязанности. В соответствии с современным законодательством о защите частной жизни нам приходится заниматься этим в присутствии своих клиентов, чтобы они могли озвучить разрешение для нас обращаться к властям от своего имени.

Нашу надежду на лучшее помогает поддерживать тепло и сочувствие Опры, не понаслышке знакомой с такой ситуацией, когда у тебя все дети слегли с диареей, а ты сама только что имела незащищенный секс со своим ненадежным бойфрендом: и да, я готова склониться перед драконом экстренной контрацепции. Мы не постесняемся громогласно призывать на баррикады, чтобы «добиться своего». Мы — настоящий кошмар для функционеров из НСЗ, поскольку остаемся неисправимыми бунтарями. Конечно, такого не скажешь, когда мы сидим у вас на диване, мы даже можем показаться едва ли не чопорными, как будто не видели реальной жизни. Но поверьте, нам довелось побывать в стольких пере-